

С. Ф. Веремеев

К вопросу об институте патроната в Киевской митрополии в XVI в. и его значении

УДК 94(470+571)"15"+271.2(477-25)-772-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_195
EDN PQRHCP

Аннотация: В статье называются источники формирования права патроната на территории белорусско-украинских земель, раскрывается суть патроната. Указываются разновидности патроната (королевский и т.д.), существовавшие в XVI в., перечислены основные права и обязанности патронов. Автор анализирует значение данного института в Киевской митрополии и приходит к выводу, что сугубо негативная оценка данного исторического явления, ставшая аксиоматичной в историографии, требует определенной корректировки. Статья написана на основе доклада, представленного автором на V Барсовские чтения в Санкт-Петербургской духовной академии 13 декабря 2021 г.

Ключевые слова: Православная Церковь, Киевская митрополия, патронат, право «подаванья», ктитор, фундатор, епископат, духовенство.

Об авторе: **Сергей Федорович Веремеев**

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и специальных исторических дисциплин Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.
E-mail: svf.1769@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8328-6088>

Для цитирования: Веремеев С. Ф. К вопросу об институте патроната в Киевской митрополии в XVI в. и его значении // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 195–206.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Sergey F. Veremeev

**On the Question of the Institute of Patronage
in the Kyiv Metropolis in the 16th Century and its Meaning**

UDK 94(470+571)"15"+271.2(477-25)-772-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_195
EDN PQRHCP

Abstract: The article names the sources of the formation of the right of patronage on the territory of the Belarus and Ukraine and reveals the essence of patronage. The types of patronage (royal, etc.) that existed in the 16th century are indicated, the main rights and obligations of patrons are listed. The author analyzes the significance of this institution in the Kyiv Metropolis and comes to the conclusion that a purely negative assessment of this historical phenomenon, which has become axiomatic in historiography, requires some adjustment. The article was written on the basis of a report presented by the author at the 5th Barsov Readings at St. Petersburg Theological Academy on December 13, 2021.

Keywords: Orthodox Church, Kyiv Metropolis, patronage, ktitor, founder, episcopate, clergy.

About the author: **Sergey Fedorovich Veremeev**

Ph. D. in History, head of of the Department of Philosophy and Specialized Historical Disciplines at the Francysk Skaryna Homel State University.

E-mail: svf.1769@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8328-6088>

For citation: Veremeev S.F. On the Question of the Institute of Patronage in the Kyiv Metropolis in the 16th Century and its Meaning. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 195–206.

Введение

История Православной Церкви на территории Беларуси и Украины издавна привлекает внимание исследователей, как светских, так и церковных. Ей посвящено множество научных трудов, на страницах которых рассматривается широкий спектр сюжетов, начиная от Крещения Руси и заканчивая современным положением православия в указанных странах. Особый интерес в этом плане представляет XVI в. — время Реформации, возникновения книгопечатания, образования Речи Посполитой, эпоха, завершившаяся одним из главных событий в истории христианства Восточной Европы — Брестской церковной унией. Одной из отличительных особенностей правового положения Православной Церкви в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой в XVI в. являлось существование системы т. н. патроната, которая достигла именно в ту эпоху пика своего развития. Патронат неоднократно становился предметом изучения в историографии, при этом среди историков наблюдается консенсус в отрицательных оценках этого явления. Ознакомление с источниками, однако, дает основание поставить под сомнение общепринятую точку зрения.

В данной статье мы предприняли попытку проанализировать значение патроната в Киевской митрополии. Для достижения данной цели необходимо рассмотреть, в чем заключалась суть патроната и каковы были его разновидности, какими правами обладали патроны и какие обязанности при этом на них возлагались. Одновременно важно проследить на основании доступных источников особенности функционирования этой системы в реальности.

Основная часть

Институт патроната на белорусско-украинских землях восходит к ктиторскому праву Византии, которое он во многом напоминает¹. Наряду с византийским ктиторовством источником формирования одной из составляющих патроната — права «подаванья» (о нем речь пойдет ниже), исследователи называют каноническое право Западной (Латинской) Церкви, а также особенности устройства Польско-Литовского государства [Скочиляс, 2011, 101]. Отметим, что в Западной Церкви патронат (*ius patronatus*) возник в XII в. в годы понтификата папы Александра III (1159–1181) и в последующем приобрел важное значение, регулируя взаимоотношения между светскими людьми (лаикатом)² и духовенством в различных странах Европы [Скочиляс, 2011, 105; Gaudemet, 1998, 710–720; Szady, 2003, 5–7].

По определению И. Чистовича, патронат на белорусско-украинских землях включал следующие формы: право «подаванья» (*ius donandi*); право презенты (*ius praedendi, ius praesentationis*) — представление или рекомендация кандидатов на церковные должности (священников, настоятелей); право управления церковными учреждениями и участия в церковном суде; право попечения или покровительства (*ius patronatus*) [Чистович, 2014, 295–296].

В историографии истоки права «подаванья» обнаруживают уже в эпоху Древней Руси [Владимирский-Буданов, 1907, 57; Флоря, 2007, 59; Скочиляс, 2011, 101]. Дальнейшее свое развитие оно получило в период Великого княжества Литовского.

Право «подаванья хлебов духовных» подразумевало право монарха назначать («подавать») на церковную должность своего кандидата, который затем должен был получить благословение правящего епископа³. В XVI в. король (великий князь)

¹ Первые сведения о ктиторском праве Византии фиксируются в законодательстве императора Юстиниана (67-я новелла) и датируются 530-ми гг. Наиболее полно проблему возникновения ктиторовства как своеобразного церковного института рассмотрел М. А. Морозов, см.: [Морозов, 2010].

² Лаик (греч.) — мирянин, светский человек, кто не принадлежит к духовенству [Епишкин, 2010, 2582].

³ Человек, пользовавшийся таким правом, назывался «подавец» [Флоря, 2007, 48].

назначал также и епископов на церковные кафедры (участие митрополита при этом было лишь формальностью) [Флоря, 2007, 48] и даже самого киевского митрополита [Дмитриев, 2003, 31]. «Право подаванья» распространялось на королевские земли, где монарх назначал настоятелей важнейших церквей и монастырей, а его наместники и старосты — настоятелей сельских церквей и менее значимых обителей. Король мог осуществлять право подаванья и в городах [Ульяновский, 1994, 174]. Одновременно он мог низлагать и наказывать епископов, настоятелей монастырей и священников [Дмитриев, 2003, 37].

Монарх также обладал правами «*jus regaliū*» и «*jus spoliū*». «*Jus regaliū*» — это право монарха пользоваться доходами кафедры в период от смерти епископа и до назначения его преемника. «*Jus spoliū*» позволяло королю конфисковать в свою пользу имущество, оставшееся после кончины епископа [Флоря, 2007, 40]. Названными правами монарх владел вплоть до конца XVI в. [Ульяновский, 1994, 175].

Однако уже в период XIV–XVI вв. право «подаванья хлебов духовных» наряду с монархом приобретает шляхта [Скочиляс, 2011, 103]. Л. Тимошенко высказал гипотезу, что в XVI в. в ее «подаванье» находилось более половины всех приходов Восточной Церкви [Тимошенко, 2017, 158]. Одним из путей формирования частновладельческого патроната являлись королевские (великокняжеские) пожалования [Владимирский-Буданов, 1907, 90]. Князья, земляне, бояре получали во владение земли, которые затем переходили в их собственность, и, соответственно, приобретали право назначать священников в церкви, находящиеся на этих землях. Кроме того, землевладелец мог основать церковь (или монастырь) на своей территории и передать ему какое-либо имущество или земли, что сразу же превращало церковь (монастырь) в частную собственность, а основатель (ктитор или фундатор)⁴ становился патроном церковного учреждения и получал право «подаванья», которое переходило по наследству его преемникам.

Церковные должности можно было получить за военные и государственные заслуги, в качестве награды за службу [Ульяновский, 1994, 182; Довбищенко, 2008, 176]. Их получение считалось хорошим завершением жизни. Так, известный мемуарист Фёдор Евлашевский в 1573 г. выхлопотал для своего овдовевшего отца Пинскую православную кафедру [Лісейчыкаў, Бобер, 2018, 15]. Церковные учреждения можно было не только передавать в наследство как феодальную собственность, но и продавать, менять, дарить, отдавать в аренду или под залог, они могли выступать в качестве приданого. Например, владелец Кобрин Иван Семенович в 1479 г. передал во владение попу Якову и его потомству Пречистенскую церковь [Ульяновский, 1994, 177]. В 1580 г. князь Чарторыйский отдал в залог монастырь Честной Крест, находившийся во Владимирском повете, пану Иваницкому за 400 коп грошей [Чистович, 2014, 298].

Одной из разновидностей частновладельческого патроната являлся коллективный патронат шляхты или боярства над церквями или монастырями. Например, в Полоцке в 1559 г. патронами знаменитого храма Св. Софии стали бояре [Лукашова, 2006, 72]. Коллективные патроны обладали такими же правами, как и единоличные [Лукашова, 2006, 72], на них возлагались такие же обязанности.

Помимо монарха и шляхты патронами церковных учреждений могли быть церковные братства, городские и приходские общины, земства [Владимирский-Буданов, 1907, 71]. Следует отметить, что и церковные иерархи обладали не только духовной властью, но также могли осуществлять функцию патронов в отношении храмов, принадлежащих их кафедрам или же находящихся в их личных владениях [Кириллова, 2007, 118].

---

⁴ Ктитор — лицо, выделившее средства на строительство или ремонт православного храма или монастыря или на его украшение. На белорусско-украинских землях использовался термин «фундатор». В актах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой встречаются выражения «быть фундатором», «заложить фундамент», «фундовать». В одних случаях они означают «основать», «учредить», «создать», в других — «возобновить», «восстановить», «сделать вклад» [Кириллова, 2007, 118].

Патрон обладал правом распоряжаться (с ограничениями) имуществом церковного учреждения, вмешиваться в юрисдикцию архиереев, в частности в митрополичье и епископское судопроизводство, принимать участие в административном управлении [Дмитриев, 2003, 35–36].

Судебные права патронов касались главным образом имущества церковных учреждений [Владимирский-Буданов, 1907, 114]. В судебной компетенции митрополита и епископов находилось «все духовенство по делам церковного порядка и благочиния», а лаики (миряне) — «по делам веры и христианской жизни» (вопросы брака, разводов, супружеской измены) [Чистович, 2014, 289–290].

Как уже было указано выше, право патроната распространялось не только на церкви, но и на монашеские обители. По подсчетам историков, в первой половине XVI в. на украинских землях насчитывалось около 50 монастырей, из них почти половина находилась в собственности светских патронов [Ульяновский, 1994, 174]. В ряде случаев короли передавали монастыри светским лицам в наследственное владение [Ульяновский, 1994, 181]. С. Горин, изучавший монастыри на территории Вольни, отмечает, что те полностью зависели от своих патронов. Патроны фактически назначали игуменов, распоряжались бенефициями, давали монастырские уставы⁵, были участниками судебных дел [Горин, 2007, 30]. Они также считались верховными собственниками имущества монастыря. Так, А. И. Ходкевич в 1533 г. указывал в своей дарственной Супрасльскому монастырю, что монахи «паданья нашего продавати а меняти никому не мають» (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, 1870, т. 9, 44). Одновременно патроны являлись гарантами соблюдения братией монастырского устава. Например, уже упомянутый нами А. И. Ходкевич, бывший ктиторм Супрасльского монастыря, в случае нарушения игуменом устава обладал правом «такового игумена выстановити вон» (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, 1870, т. 2, 15). В одной из грамот короля Сигизмунда I Киево-Печерскому монастырю содержалось предупреждение, что при нарушении устава из монастыря могут быть изгнаны не только архимандрит, но и «чернцы» (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, т. 2, 161–162).

Тезис об отрицательном значении института патроната в истории Православной Церкви на белорусско-украинских землях приобрел в историографии характер аксиомы. Одним из первых писал об этом М. Грушевский [Грушевский, 1994, 487]. Разделяют этот тезис и современные исследователи, в частности авторитетный российский историк-славист, специалист по Средневековью Б. Н. Флоря. Борис Николаевич подчеркивает, что патронат приводил к злоупотреблениям в Церкви, к числу которых он относит назначение епископами светских лиц, которые еще до принятия сана могли вступить в управление имуществом кафедры, назначение настоятелями в монастырях представителей белого духовенства (в нарушение канонов) и даже светских лиц (с одновременным назначением викария для отправления богослужений)⁶ [Флоря, 2007, 48–49].

Приверженность вышеназванному тезису можно обнаружить и в украинской историографии⁷. Так, В. И. Ульяновский оценивает значение патроната весьма категорич-

⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает, что уставы касались главным образом дисциплины и моральности иноков (правила выхода за пределы обители, порядок трапез и др.), не затрагивая церковных порядков (к примеру, совершения богослужения) [Владимирский-Буданов, 1907, 108].

⁶ Приведем пример. В 1562 г. король передал Предтеченский монастырь в Полоцке Баркулабу Корсаку в пожизненное владение, повелев при этом, что Корсак «мает он в том монастыри от себе мети особу духовную, чоловека науочного, который бы умел в справах духовных водле закону Греческого справоватися» (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, т. 3, № 29, 115).

⁷ Справедливости ради отметим, что не все украинские историки полностью разделяют вышеназванную позицию. М. Добвищенко считает, что патронат являлся «объективно необходимым

но, характеризуя его как «полное самоуправство собственников имений, спекулирование церковными должностями»⁸, пишет о нарушении ими канонов и элементарных предписаний христианской морали, что разрушало церковную организацию [Ульяновский, 1994, 173, 176]. Другой украинский историк, И. Я. Скочиляс, считал право «подаванья» «печально известным», писал об «узурпации представителями королевской администрации ктиторских прав над русскими церквями в Киевской митрополии», о «принуждении» Православной Церкви к опеке над нею [Скочиляс, 2011, 104]. Белорусский историк А. Р. Денисова называет право патроната «почвой для появления многочисленных злоупотреблений, когда на церковные должности могли назначаться светские особы, а церкви и монастыри с их имуществом рассматривались как источники доходов» [Чистович, 2014, 297; Дзянісава, 2008, 171]. В ряде работ, в которых затрагивается вопрос о патронате, критика данного института не звучит прямо, однако вывод о его отрицательном значении напрашивается сам собой после ознакомления с текстом.

На наш взгляд, патронат не следует оценивать исключительно с негативной точки зрения, в действительности ситуация была сложнее.

Во-первых, права патронов имели определенные ограничения. Так, патроны не могли ликвидировать церковное учреждение (например, монастырь) и присвоить себе его имущество [Флоря, 2007, 52–53]. М. Грушевский писал, что на практике этот барьер можно было обойти — патрон мог не назначать игумена и не принимать новых монахов в обитель, что привело бы к ее самоликвидации. М. Грушевский привел соответствующие факты по Волини [Грушевский, 1994, 485–486; Флоря, 2007, 52–53]. Однако возникает вопрос, насколько распространены были подобные случаи на территории всей Киевской митрополии.

Помимо того, Виленский Собор 1509 г. запрещал князьям и боярам под угрозой отлучения отнимать имения, принадлежавшие храмам и монастырям или «иное што церковное» (Деяния Виленского собора 1509 года, 1878, 13). Следует также учитывать, что фондуши⁹ в пользу церквей и монастырей давались, как правило, навечно, поэтому возможную попытку ктитора вернуть обратно свое дарение можно было оспорить в суде или же в поиске справедливости обратиться с жалобой к королю.

Обратим внимание также на следующее. В великокняжеских подтверждениях Свитка Ярослава 1499 и 1502 гг. отмечалось, что патрон не имел права удалить священника из прихода без воли митрополита. Виленский Собор 1509 г. предписывал в тот приход, из которого священник был изгнан патроном без ведома епископа, не назначать нового священника «поки ся тому справедливость станеть» (Деяния Виленского собора 1509 года, 1878, 13). В случае, если патрон не представлял кандидата на церковную должность в течение трех месяцев, право назначения переходило к епископу «для хвалы Божеи и исправления веры православных христиан, живых и мертвых» (Деяния Виленского собора 1509 года, 1878, 13). Вышеназванные меры можно рассматривать как определенное правовое ограничение возможных злоупотреблений правом «подаванья» со стороны патрона, хотя, безусловно, теория далеко не всегда совпадала с практикой и в реальности эти предписания не всегда выполнялись.

Во-вторых, в историографии, как правило, акцентируется внимание на правах патронов в отношении православных церквей и монастырей. Однако не следует забывать, что на патронов при этом был возложен и ряд *обязанностей*. Они должны были заботиться о храмовом здании, движимом и недвижимом церковном имуществе,

---

и единственно эффективным для материального обеспечения функционирования Церкви» в XVI — первой половине XVII вв. [Добвищенко, 2008, 175–176]. По его мнению, существование патроната не позволило после заключения Брестской церковной унии включить тысячи приходов в духовную юрисдикцию униатских владык [Добвищенко, 2008, 178].

⁸ Цитаты с украинского и белорусского языков для лучшего их понимания здесь и далее переведены на русский язык автором.

⁹ Фондуш — акт, согласно которому церквям и монастырям жертвовались денежные средства, движимое и недвижимое имущество [Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя, 2007, 707].

материальном содержании церковных институций [Ульяновский, 1994, 172]. Как следует из грамоты Сигизмунда III Марку Балабану на Уневский монастырь 1548 г., обязанностью последнего являлось обеспечение братии продовольствием и всем необходимым, забота о ремонте монастырских построек и улучшении хозяйства, защита монахов от несправедливости. Патрон также должен был в случае необходимости представлять интересы монастыря в суде (Архив Юго-Западной России, 1904, 29–30). Патроны передавали церквям и монастырям земли и другие источники постоянных доходов, удерживали при них «шпитали», материально обеспечивали духовенство и причт [Левицкий, 1884, 27]. Все это обеспечивало нормальное функционирование церковных учреждений.

Патрон обязывал все зависимое от него население к уплате десятины в пользу Православной Церкви, а духовенство, в свою очередь, должно было возносить молитвы за него [Кириллова, 2007, 119]. Тем самым патрон выступал гарантом стабильности финансового обеспечения приходов и монастырей. На наш взгляд, система патроната, одной из составляющих которой являлся патронат горожан, в некотором смысле «приучала» мирян к ответственности за свой приход, о чем, в частности, свидетельствует следующий эпизод. Сигизмунд I дал право виленскому магистрату избирать священников, митрополит при этом лишь посвящал их в сан. Когда же горожане обратились к митр. Сильвестру с жалобами на священников, заложивших церковное имущество для собственных нужд, митрополит ответил, что не может нести за них ответственности, так как горожане сами их выбрали (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, 1869, 34).

В-третьих, положительное значение имела, по нашему мнению, функция контроля со стороны патронов над моральным обликом духовенства и выполнением им своих обязанностей, защита интересов церквей и монастырей в суде [Лукашова, 2006, 71–72].

В-четвертых, было бы ошибочным видеть в короле-католике, обладающем правом назначения православных епископов, архимандритов и священников, врага Восточной Церкви, ведь в его же интересах было существование «единой, эффективно действующей организации православного духовенства» [Флоря, 2007, 95]. Еще российский историк XIX в. О. Левицкий писал, что короли (великие князья литовские) «часто оказывали ей (Православной Церкви. — С. В.) покровительство и неоднократно прилагали старание и заботливость о ее интересах» [Левицкий, 1884, 24].

Источники свидетельствуют, что роль католического монарха, по крайней мере в ряде случаев, являлась положительной. Так, Сигизмунд I определил размеры платы мещан Вильно за совершение обрядов, погребение (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, 398–399), положив тем самым предел возможным неумеренным аппетитам духовенства. В 1540 г. возник конфликт монахов Киево-Печерского монастыря с архим. Софронием. Светская власть в лице воеводы арестовала архимандрита, назначив в обитель временного преемника и взяв под свое временное управление монастырское имущество [Флоря, 2007, 61]. Таким образом, монарх выступал как высшая инстанция, монашество могло апеллировать к нему в случае конфликта с иерархами. Еще один пример: когда монахи Киево-Печерского монастыря обратились к Сигизмунду I с жалобой на то, что воеводы много раз в году въезжают в их обитель, а братия их «честуют и даруют», король велел сократить «визиты» воеводы до двух раз в год, предписав, что монахи «даров некоторых давати ему не мают» (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, 140–142).

Король мог снять с церковной должности злоупотреблявшего ею обладателя. Во второй половине 1570-х гг. монастырь Вознесения Христова в Минске был передан землянину Стефану Достоевскому. Но когда выяснилось, что тот использует монастырь для своего обогащения («для пожитку своего тот монастырь держит»), да еще не принадлежит к «русской вере», по просьбе тогдашнего митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси Илии, минского каштеляна Яна Глебовича и шляхты Минского повета обитель была отдана королем православному землянину Михаилу Рогозе,

впоследствии возглавившему Киевскую митрополию (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, т. 3, 240–241). В 1580 г. король отнял Жидичинский монастырь у Ионы Борзобогатого-Красненского за «хищническое управление его имуществами» [Владимирский-Буданов, 1907, 96–97]. Приведем еще пример. В 1585 г. жители Могилёва жаловались королю Стефану Баторию, что их владыка, полоцкий архиепископ Феофан, город не посещает, а местную Спасскую церковь отдал в аренду. Арендатор же, как писали могилевчане, «только пожитковъ своихъ, а не хвалы Божой стережетъ», что в результате привело церковь к разорению. Горожане просили передать храм в опеку им, что и сделал Баторий (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, т. 3, 296).

Известны факты, когда монархи прямо указывали высшим церковным иерархам на нестроения в Церкви. Так, в 1546 г. Сигизмунд II Август критиковал киевского митрополита за то, что тот никак не реагирует на «нерядности и несправе, которая ся деет межн духовенства вашего греческаго закону, також межн князей и панов и простых людей в законе вашом, а звлаща межн владык всех, яко на Вольни ся деет — иж не подле права блуды и распущенства ся великии деют, а твоя милость, яко старший их пастырь, того ведати ани встягати не хочешъ» [Грушевский, 1994, 463].

Короли (великие князья литовские) неоднократно заявляли о недопустимости вмешательства представителей светской власти в митрополичий и епископский суды (в 1494, 1499, 1511 гг.). В 1592 г. Сигизмунд III запретил светским лицам судить представителей духовенства, а также расторгать браки [Чистович, 2014, 290–293].

В некоторых случаях королевская власть шла на уступки православной иерархии в ее просьбах. Примером может служить решение вопроса о «*ius regalium*», против которого выступал епископат. В 1589 г. митр. Онисифор и епископы жаловались королю Сигизмунду III, что после кончины архиереев, игуменов и священников воеводы, подскарбии, старосты, державцы и их наместники грабят церковное имущество (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1851, 16–19). Король в том же году передал управление церковными владениями на период вакантности кафедры кафедральным клиросам. Впоследствии, в 1631 г., в сеймовой конституции был прописан запрет занимать церковные бенефиции шляхтичам во время вакантности кафедр [Скоцилас, 2011, 104]. Заметим также, что не только представители светской власти могли присваивать себе церковное имущество после кончины архиерея, но и родственники последнего. Так, после смерти луцкого епископа Ионы Борзобогатого-Красненского его невестка забрала себе церковные привилеи, книги и драгоценные предметы, в том числе золотой крест из соборного храма, а также камень стоимостью в 600 талеров, украшавший образ Богородицы. Сын владыки забрал из епископского замка Хорлуп все пушки [Грушевский, 1994, 499–500].

Безусловно, с реализацией патроната (в особенности — с правом «подаванья») были связаны злоупотребления, о чем сообщают источники. Соответствующие факты изложены в научной литературе, в частности в работе О. Левицкого [Левицкий, 1884]. Но следует учитывать, что в XVI в. отношение общества к некоторым явлениям церковной жизни было иным, нежели в современном обществе. Так, на белорусско-украинских землях церковные должности воспринимались как бенефиции, по аналогии со светскими должностями. Покупка и продажа приходов, духовных званий и должностей считалась допустимой, равно как и наследование сыном священника прихода своего отца [Дмитриев, 2003, 37; Тимошенко, 2017, 161]. М. Грушевский писал, что патронат в XVI в. являлся такой же принадлежностью феодального имения, как, к примеру, лесные угодья или рыбные ловы [Грушевский, 1994, 285, 483]. Характерный факт: при вступлении на киевский митрополичий престол Онисифор Девочка был женат и оставался в таком статусе на протяжении всего своего митрополитства. Судя по всему (как следует из его тестамент), в этом Онисифор не видел ничего предосудительного, считая свой брак счастливым, законным и действительным. Примечательно, что супруга митрополита Анна Пузына разделяла его взгляд, спокойно образовывая от монашеского имени мужа феминитив «Онисифорова», которым

подписывалась в документах [Лісейчыкаў, Бобер, 2018, 14–15]. Этот факт можно расценить как одно из доказательств вопиющего падения нравов и отступления от высоких моральных требований христианства. Однако можно предположить, что современники считали по-другому и допускали возможность для архиереев иметь семьи.

В Киевской митрополии в рассматриваемый период существовала практика т. н. *экспектаив*. «*Jus expectativae*» — письменное обязательство, что епископская кафедра будет передана конкретному лицу за определенную сумму, которое давалось еще при жизни правящего епископа. Например, в 1558 г. Сигизмунд II Август дал Глебу Корсаку право занять полоцкую кафедру после смерти тогдашнего архиепископа Германа Хребтовича (Акты, относящиеся к истории Западной России, 1848, т. 3, 95). На первый взгляд, практика *экспектаив* предстает как некое уродливое явление в жизни Церкви, существующее в нарушение канонов. Но, с другой стороны, можно допустить, что в ту эпоху *экспектаивы* воспринимались, по крайней мере частью общества, как нечто само собой разумеющееся. Они являлись также источником пополнения государственной казны, что особенно было актуально в период Ливонской войны [Флоря, 2007, 97].

Неверно полагать, что негативные факты, связанные с патронатом в Киевской митрополии, были обусловлены принадлежностью ряда «подавцев» к Латинской Церкви. В. И. Ульяновский отмечал, что злоупотребления патронатом были характерны не только для представителей шляхты латинского обряда, но и для православной шляхты и епископов, обладавших правом «подавания» [Ульяновский, 1994, 176].

Под влиянием православного духовенства короли Александр (в 1497 г.) и Сигизмунд I (в 1511 г.) издали грамоты, содержание которых можно трактовать как юридическую основу запрещения патроната православных церквей католиками и протестантами. Как писал М. Ф. Владимирский-Буданов, «упомянутые законы давали основания епархиальным владыкам отстранять иноверцев в отдельных случаях», признавая вместе с тем, что данный принцип постоянно нарушался [Владимирский-Буданов, 1907, 91]. Иногда даже православные становились патронами латинских храмов в государстве, где верховная власть была в руках у католиков. Вышеназванный историк привел в своей работе любопытный факт: православные князья Фёдор и Иван Вишневецкие осуществляли право «подавания» в отношении костела [Владимирский-Буданов, 1907, 91–92]. Однако этот факт является исключением.

Обратим внимание еще на один аспект. Историки указывают на то, что в середине — второй половине XVI в. некоторые шляхтичи-патроны православных церквей переходили в латинский обряд или становились протестантами [Кириллова, 2007, 119]. Однако в этой связи требует выяснения вопрос о том, действительно ли паства в таком случае подвергалась религиозной конверсии и насколько многочисленны были подобные случаи.

Кроме того, при анализе значения патроната возникает вопрос о распространенности злоупотреблений им и, в частности, правом «подавания». По мнению Л. Тимошенко, они носили спорадический характер в нескольких епархиях [Тимошенко, 2017, 161].

На формирование точки зрения о том, что патронат имел отрицательное значение, приводил к негативным последствиям, кризису Православной Церкви, оказала влияние полемическая литература конца XVI — начала XVII вв. (православная и униатская), являющаяся одним из источников для изучения той эпохи. В частности, весьма критически отзывался о современных ему православных иерархах И. Вишенский (Вишенский, 1955, 47). Представитель противоположного, униатского лагеря И. Потей видел во вмешательстве светских патронов в деятельность церковных учреждений одну из причин упадка нравственности и отсутствия дисциплины в среде духовенства [Турилов, Флоря, 1999, 14]; (Антиризис, или Апология против Христофора Филалета, 1903, 677–679). Но при этом следует учитывать, что произведения указанных авторов (как и ряда других) имели полемическую заостренность с присущей ей определенной гиперболизацией, к их сведениям необходимо относиться осторожно.

И. Потей же, кроме того, был убежденным сторонником сильной власти епископата в Церкви [Веремеев, 2021], его позиция шла вразрез с практикой патроната в Киевской митрополии.

Можно предположить, что на оценочные суждения маститых историков, в частности М. Грушевского, оказали влияние реалии его времени (XIX в.), когда в условиях существования синодальной системы Церковь отождествлялась с духовенством. Затем данная точка зрения была недостаточно критично принята следующими поколениями историков, которые также видели в Церкви прежде всего организацию духовенства. Но следует учитывать, что Церковь — это еще и светские лица (миряне, laikат), и в XVI в. экклезиологические взгляды могли быть именно такими. Соответственно, в получении мирянином кафедры общество не видело драматизма. Светский человек, который искренне старался жить по-христиански и становился патроном храма или монастыря или занимал церковную должность, потенциально мог принести несомненную пользу Церкви. М. Грушевский признавал, что в ряде случаев сами верующие стремились к тому, чтобы приход или монастырь находился в юрисдикции светского лица, а не епископа [Грушевский, 1994, 488]. Известно, что монахи Уневского монастыря просили короля Стефана Батория передать право патроната над обителью Василию Балобану. Просьба была удовлетворена монархом [Владимирский-Буданов, 1907, 98–99].

Один из упреков в адрес патроната состоит в том, что на церковные должности назначались лица, не соответствующие им по своим моральным и нравственным качествам, не имеющие призвания к религиозной жизни [Довбищенко, 2008, 176]. Полагаем, что причина заключается не в существовании патроната как такового, а в тех лицах, том «материале», из которого кооптировались будущие епископы, игумены и священники. По всей видимости, отсутствие даже в конце XVI в. в Киевской митрополии семинарий и возможности получить глубокие, системные знания о христианском вероучении для кандидатов на церковные должности также накладывало свой отпечаток на их морально-нравственный облик. Основная масса населения белорусско-украинских земель в рассматриваемую эпоху знала христианское вероучение очень поверхностно [Гудзяк, 2000, 87], что влияло на их действия и поступки, что в полной мере относится и к патронам из числа магнатов, шляхты, горожан.

Заключение

Таким образом, вопреки устоявшейся в историографии точке зрения, институт патроната не следует рассматривать как только лишь отрицательное явление в истории Православной Церкви на белорусско-украинских землях. Патронат существовал в условиях феодального общества, для которого было характерно право владельцев распоряжаться всеми учреждениями и имуществом, находящимися на их земле, в том числе церквями и монастырями, многие из которых были ими же и основаны на собственные средства. Патроны были обязаны заботиться о строительстве, ремонте, украшении церковных зданий, материальном обеспечении монашества, духовенства и причта, они занимались благотворительной деятельностью (создание «шпиталей» при церквях и монастырях). На патронов возлагалась функция контроля за нравственным обликом духовенства, выполнением его представителями своих обязанностей, соблюдением монастырского устава, а также защита интересов церковью и монастырей в суде. Королевский (великокняжеский патронат), несмотря на принадлежность монарха к Латинской Церкви, по крайней мере в ряде случаев, имел положительное значение для православия (установление размеров оплаты за совершение треб духовенством, отстранение допуславших произвол духовных сановников и др.).

Имевшие место факты злоупотреблений со стороны патронов, прежде всего — правом «подавannya», нельзя отрицать. Однако многие из них могли восприниматься в ту эпоху иначе (как нечто терпимое, а то и вполне естественное), нежели в наше время. Примером может служить спокойное отношение к практике покупки

и продажи приходов, духовных званий и должностей. Представляется, что многие злоупотребления в Церкви были вызваны не существованием патроната как такового, а общим моральным и нравственным состоянием тогдашнего социума, поверхностным знанием христианского вероучения. Помимо того, следует поставить вопрос о масштабах негативных явлений, связанных с действиями патронов. Наблюдаемый в историографии акцент на отрицательном значении патроната в Киевской митрополии препятствует объективной оценке этого неоднозначного явления. Вместе с тем, отметим, что высказанные нами суждения во многом носят предварительный характер, а поднятая проблема нуждается в дальнейшем изучении на более глубоком уровне.

Источники и литература

Источники

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 112. С. 140–142; № 135. С. 161–162; № 231. С. 398–399; Т. 3: 1544–1587. СПб., 1848. № 20. С. 95; № 29. С. 114–115; № 110. С. 240–241; № 152. С. 296; СПб., 1851. Т. 4. № 14. С. 16–19.
2. Антиризис, или Апология против Христофора Филалета (1903) — Антиризис, или Апология против Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. Т. 19. СПб., 1903. С. 477–982.
3. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1869. Т. 6. № 22. С. 34; Вильна, 1870. Т. 9. № 4. С. 13–16; № 18. С. 41–46.
4. Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 10. № 17. С. 29–30.
5. Вишенский (1955) — *Вишенский И.* Сочинения. М.; Л., 1955. 372 с.
6. Деяния Виленского собора 1509 года (1878) — Деяния Виленского собора 1509 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1878. Т. 4. С. 5–18.

Литература

7. Владимирский-Буданов (1907) — *Владимирский-Буданов М. Ф.* Церковные имущества в Юго-Западной России XVI века // Архив Юго-Западной России: в 8 ч. Киев, 1859–1911. Ч. 8. Т. 4: Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв. Киев, 1907. С. 3–224.
8. Веремеев (2021) — *Веремеев С. Ф.* Ипатий Потей — христианин, сенатор, епископ: между Востоком и Римом // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях: научный журнал. СПб., 2021. Вып. № 1 (13). С. 52–73.
9. Горін (2007) — *Горін С.* Монастирі Західної Волині (друга половина XV — перша половина XVII ст. Львів, 2007. 336 с.
10. Грушевський (1994) — *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Київ, 1994. 704 с.
11. Гудзяк (2000) — *Гудзяк Б.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Під ред. О. Турія. Львів, 2000. 426 с.
12. Дзянісава (2008) — *Дзянісава А. Р.* Права патранату ў прававым становішчы праваслаўнай царквы беларускіх зямель ў канцы XV–XVI ст. // *Studia Historica Europae Orientalis.* Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2008. Вып. 1. С. 163–172.
13. Дмитриев — *Дмитриев М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003. 320 с.
14. Довбищенко (2008) — *Довбищенко М.* Волинська шляхта у релігійних рухах (кінець XVI — перша половина XVII ст.). Київ, 2008. 882 с.
15. Епишкин (2010) — *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010. 5140 с.

16. Кириллова (2007) — *Кириллова Л. А.* Право патроната в Киевской митрополии во второй половине XVI в. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 15. С. 118–120.
17. Левицкий (1884) — *Левицкий О.* Внутреннее состояние Западно-русской церкви в Польско-Литовском государстве в конце XVI в. и уния. Киев, 1884. 295 с.
18. Лісейчыкаў, Бобер (2018) — *Лісейчыкаў Д. В., Бобер І. М.* «Варуючы і мілуючы малъжонку мою законную веньчальную...»: жыццё і смерць мітрапаліта-«двайжэнца» Анісіфара Дзевачкі // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 5. С. 11–23.
19. Лукашова (2006) — *Лукашова С. С.* Миряне и церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006. 320 с.
20. Морозов — *Морозов М. А.* Церковная собственность и ктиторовство в Византии при императоре Юстиниане // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 77–87.
21. Скочиляс — *Скочиляс І.* Польске «право патронату» та особливості правового становища Галицької (Львівської) єпархії в XV–XVII століттях // Вісник Львівської комерційної академії. Серія гуманітарних наук. Львів: 2011. Вип. 10. С. 100–106.
22. Тимошенко (2017) — *Тимошенко Л.* Організаційна структура Київської митрополії в другій половині XVI ст.: становище та функціонування інституцій // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич, 2017. Вип. XIX–XX. С. 149–187.
23. Турилов, Флоря (1999) — *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* К вопросу об исторической альтернативе Брестской унии // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII вв. Ч. 2: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1996. С. 13–58.
24. Ульяновський (1994) — *Ульяновський В. І.* Історія церкви та релігійної думки в Україні: в 3 кн. Кн. 1: Середина XV — кінець XVI століття. К., 1994. 256 с.
25. Флоря (2007) — *Флоря Б. Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сборник. М., 2007. 438 с.
26. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя (2007) — *Фундуш* // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. Мінск, 2007. Т. 2. С. 707.
27. Чистович (2014) — *Чистович И.* Очерк истории Западно-Русской церкви. Минск, 2014. 912 с.
28. Gaudemet (1998) — *Gaudemet J.* Storia del diritto canonico. Ecclesia et Civitas. San Paolo, 1998.
29. Szady — *Szady B.* Prawo patronatu w Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych. Podstawy i struktura. Lublin, 2003.